К. В. Бекташевъ.

Басни.

Сухумъ,
Типографія А. Мгеладзе и П. Каландаришвили.
1908.

Курица.

Полуденной порой,
Въ саду, въ травѣ густой,
Кудахтая на все село,
Гвалтъ курица подняла
И тѣмъ несмѣтное число
Окрестныхъ птицъ созвала.
Вся стая только и галдѣла:
«Въ чемъ дѣло»?
И въ испугѣ большомъ
Бѣды ждала.
А дѣло было въ томъ,
Что курица яйцо снесла.

Такъ нами часто поднимается тревога,
И шуму, гаму, гвалта много,
А на лицо
Одно яйцо.

Печь и свѣча.

Разъ зимнею порой,
Передъ зажженною свѣчей
Хвалилась печь собой.
И, правда, въ ней достоинства большія были.
Въ избѣ же было холодно:
Хозяева давно
Ужъ печи не топили.
Гордилась печь, кичилась,
До нельзя заносилась.
Но, какъ на случай,
Двухъ путниковъ морозъ трескучій
Вогналъ въ избу. Они вошли,
Къ той печи подошли,
Прошлись по ней рукой,

Но отошли и, надъ свѣчей
Погрѣвши руки, вышли вонъ.

Нетопленныхъ печей
Милльонъ.
И баснею моей
Я рѣчь веду о томъ,
Что печь полезна лишь съ огнемъ,
А если нѣтъ огня въ печи,
Она не стоитъ и свѣчи.

Награда.

Купеческій сынокъ
Мамашинъ утерялъ брелокъ,
Играя во дворѣ.
Поднялся на ноги весь домъ.
Цѣна не въ серебрѣ,
А дѣло въ томъ,
Что былъ онъ съ давнихъ поръ
На память данъ.
Изрыли, осмотрѣли дворъ,
Ныряли даже въ чанъ,
Его жъ простылъ и слѣдъ.
Прошло не много лѣтъ.
О памяткѣ той дорогой
И память поостыла.
Лишь изрѣдка хозяйка со слезой
О ней сосѣдкѣ говорила,
Какъ вдругъ, дворовая свинья,
Обычай строго свой храня,
Изрыла дворъ и вдоль и поперекъ
И набрела случайно на брелокъ.
Хозяюшку находка оживила.
Она свиньѣ той, какъ брелоку рада,
И тутъ же порѣшила,
Что слѣдуетъ свиньѣ награда.

Но что бы ей такого дать?!
И кучу поднесла навозу.

И правильно, хавроню награждать,
Не подносить же розу.

Пасхальныя яйца.

Средь пасхальнаго стола
У яицъ шелъ споръ большой,
Кто изъ нихъ числа
Ярче красотой.
Мальчикъ, слышавшій ихъ споръ,
Чтобъ умѣрить ихъ задоръ,
Взялъ, да яйца облупилъ,
Тѣмъ и споръ ихъ разрѣшилъ.
Видя, что они
Скорлупою лишь блистали,
Безъ нея же всѣ равны,
Яйца замолчали.

Хочу я баснею сказать:
На людяхъ много скорлупы,
И если хочешь ихъ узнать,
Ее ты прежде облупи!

Свинья.

Пронесся слухъ въ деревнѣ,
Что въ скотный дворъ харчевни
Изъ дальнихъ странъ прибыла кошка,
И заняла высокое окошко
Для предстоящей лекціи
О пользѣ чистоты и дезинфекціи.

Въ деревнѣ той новинки поощрялись,
И всѣ животныя собрались.
Сошлися овцы всѣ въ отдѣльный кругъ,
Козелъ за ними поспѣшилъ,
Немного поодаль индюкъ
Надменно крылья распустилъ.
И чинно, въ рядъ
Хохлаточки сидятъ
На жердочкѣ одной.
А съ ними ихъ конвой
Пѣтухъ бѣдовый.
Стояли смирно тутъ
Быки собаки и коровы.
Гостей пересчитать нелегкій трудъ,
И кончу тѣмъ лишь списокъ я,
Что была и свинья.
Аудиторію оглядѣвъ
Изъ своего окошка,
Для важности очки надѣвъ,
На корточки присѣла кошка
И внятно рѣчь свою начала.
И рѣчь та зазвучала
Такъ увлекательно и страстно
О томъ, какъ грязь вредна,
Какъ много отъ нея заразъ,
Что и не кончила еще она,
Какъ всѣ съ себя счищали грязь,
А бѣдный гусь, ходившій босикомъ,
Все силился отбить приставшій комъ.
Еще бы! Грязь вредна,
А лекторша во всю старалась,
Но только кончила она,
Свинья въ помояхъ искупалась.

Гусеница и мотылекъ.

На полевой цвѣтокъ
Присѣлъ прекрасный мотылекъ,

Чтобъ отдохнуть.
По стеблю же цвѣтка.
Близъ мотылька,
Свершала гусеница путь.
—«Какъ смѣешь ты,
И вредъ и порча всѣхъ цвѣтовъ,
Садиться на цвѣты?
Цвѣты для мотыльковъ»,
Сердился мотылекъ.
И былъ отвѣтъ:
—„Вотъ если бы понять ты могъ,
Что самъ на свѣтъ
Ты гусеницей появился,
То предо мной
Не такъ бы возгордился."

Видалъ порой
Козырныхъ я тузовъ,
Что были двойками простыми,
И много мотыльковъ,
Признаться, между ними.

Скрипка.

«Слыхалъ ли, какъ играю я?,
Спросила скрипка соловья,
Одна есть пѣсня у меня,
Всю скорбь, мечты и грезы,
Воспѣтыя тобою розѣ
Среди ночей,
Мой милый соловей,
Я въ ней одной лишь выражаю.
Послушай, я ее сыграю».
Но тутъ, по волѣ игрока,
Она сыграла трепака.

Не жди и ты иного,
Когда зависишь отъ другого.

Лисица и свинья.

Лиса, извѣстная успѣхомъ
Во всѣхъ своихъ дѣлахъ,
    Въ зубахъ
Съ собольимъ мѣхомъ,
Къ свиньѣ одной явилась
Посланницей отъ льва.
„Родная ты моя, лиса къ ней обратилась,
(У ней хоть отбавляй родства),
Я прислана могучимъ львомъ
Просить тебя о томъ,
Чтобъ въ шкурѣ ты своей не отказала.
Взамѣнъ я принесла соболій мѣхъ,
Какихъ ты сыщешь мало.
Въ цѣнѣ громадной онъ у всѣхъ.
Его увидишь ты на богачахъ,
Съ достоинствомъ и гордостью большой
Мѣхъ этотъ носятъ на плечахъ.
И вдругъ!—онъ на тебѣ самой!
Вѣдь ты бъ совсѣмъ переродилась!“
Но какъ лиса ни билась,
И львиной пастью даже устрашала,
Свинья не согласилась
И съ визгомъ отказала.

Не спорю я, для всѣхъ
Соболій дорогъ мѣхъ,
Своя же шкура подороже,
Будь ты хотя бъ въ рогожѣ.

Фасоль и капуста.

Съ капустой спорила фасоль,
Какую въ пищѣ для людей
Она играетъ роль,
И кто вкуснѣй.
Меня вотъ масломъ ты приправь,
Яицъ подбавь
И пальчики оближетъ всякъ,
Фасоль капустѣ говорила.
«Что такъ?!
Капуста возразила,
Скажи, что есть въ тебѣ самой,
А масло съ яйцами вкусны и такъ».

Самимъ собой
Иной не возвеличится никакъ,
И только у него и славы,
Что отъ приправы.

Поросенокъ.

Свинья дѣтьми богата.
И, впрямь, куда жъ ей дѣть досугъ?
Такъ у одной родились поросята,
Ихъ было десять штукъ.
Средь нихъ
Одинъ дался на диво:
Спокоенъ, скроменъ, тихъ,
Въ ѣдѣ же особливо.
Имѣлъ онъ странность ту,
Что соблюдалъ большую чистоту.
Мѣста всѣ строго разбиралъ,
Пытливый носъ
Въ помои не совалъ,
И роду своему на славу росъ.
А слава вѣдь быстра,
И ну, пошло гремѣть,

И свиньи дальняго двора
Ходили на него смотрѣть.
Въ восторгѣ мать-свинья.
И, точно, рѣдкое дитя!
Не знаю, кто виной,
Быть можетъ и сосѣдство,
Но годъ прошелъ и мой герой,
Забывъ всю славу дѣтства,
Замѣтно сталъ мѣняться,
И лужъ, помой
Не такъ бояться.
Подчасъ
И рыло сунетъ въ грязь
И разворочаетъ навозъ.
А далѣ, съ каждымъ днемъ,
Чѣмъ больше ростъ,
Глядь, перемѣнъ все больше въ немъ.
А нынѣ,
Когда-то славное дитя
И по всему и по щетинѣ
Завзятая свинья.

Не правда ль, истина моя
Извѣстна всѣмъ съ пеленокъ,
Каковъ бы ни былъ поросенокъ,
Онъ въ будущемъ свинья.

Пѣтухъ и Козелъ.

«Что ты такъ невеселъ,
Что ты голову повѣсилъ,
Всѣ мы служимъ людямъ данью,
Утѣшалъ пѣтухъ козла,
Принасеннаго къ закланью,
Смерть пожалуй и мила:
Видишь раковъ вонъ на блюдѣ,

Ихъ украсили вѣдь люди,
А доколѣ живы,
Раки очень некрасивы.
Утѣшать возможно всяко,
Каково жъ быть поданнымъ на столъ,
Отвѣчалъ козелъ,
Горе краситъ только рака."

Тающій снѣгъ

Минула осень и снѣжокъ прокрался,
Дорожный путь прикрылъ,
Но онъ недолго продержался,
Всего лишь день пожилъ
И ночью таять сталъ.
Вступить въ права мгновенно
Зима, какъ видно, не могла,
И таялъ снѣгъ смиренно
Отъ новаго тепла.
Къ утру, когда ужъ снѣгъ размокъ,
То какъ бы на подмогу,
Сталъ новый набѣгать снѣжокъ
На ту дорогу.
И снѣгъ собрату лепеталъ:
—«Счастливъ ты, другъ, я, видишь таю
Ты только жизнь началъ,
А я ее кончаю»
И молвилъ снѣгъ въ отвѣтъ:
—„Не унывай, бѣды тутъ нѣтъ
Тебя жъ прикрою я собой!"
„Да что мнѣ ты и твой набѣгъ,
Отвѣтилъ снѣгъ,
Коль, все равно, я подъ тобой
Растаю».

Отвѣтъ его я понимаю.

Ворона.

Довольныя своимъ царемъ
Орломъ,
Рѣшили птицы бить челомъ,
Почтить его
За все вниманье къ нимъ.
Возникъ вопросъ, кого
Избрать посредникомъ своимъ.
И выборъ палъ на паву,
Но пава отказалась.
Хоть видъ у ней на славу,
Но все же не рѣшалась
Она предстать передъ орломъ
Съ своимъ крикливымъ голоскомъ.
Такъ выбрали одну, другую,
Но за отказомъ все отказъ.
Причину выставятъ такую,
Что длиненъ клювъ, беззвученъ гласъ,
Иль шея коротка для низкаго поклона.
Не знали птицы, какъ имъ быть.
И вдругъ ворона
Рѣшила горю пособить.
На мѣстѣ потопталась и взлетѣла.
Къ орлу ворона прилетѣла,
Предстала смѣло,
Хвостомъ немного повертѣла,
И рѣчь свою начала
Но зря!
Ворона только и сказала:
«Кра»

Вороны! вы не виноваты,
Что кра однимъ богаты,
Но коль такъ въ рѣчи плоховаты,
Не суйтесь въ депутаты!

Трутень и бабочка.

—«Скажи мнѣ, правда ли полынь горька?,
Разъ трутня бабочка спросила,
Ее пока
Я не вкусила».
—«Горька? Что значитъ это слово?»
Отвѣтилъ трутень ей.

Не такъ ли у людей:
Кто ѣстъ одинъ лишь медъ,
Ужъ горечи понять не можетъ тотъ.

Муха и верблюдъ.

Въ ухѣ у верблюда
Муха яйца положила,
И нехудо
Лѣто все прожила.
Но пришла пора
Улетѣть ей со двора,
И верблюда за пріемъ,
Покидая домъ,
Муха такъ благодарила:
«Безпокойствъ я причинила,
Сознаю, немало,
Ѣла, спала и жужжала,
Скоро улетаю я,
Такъ за все прости меня!
—«Я тебя и не замѣтилъ,
Ей верблюдъ отвѣтилъ»

И въ толпѣ людской
Незамѣтенъ такъ иной,
Какъ и эта муха,
Хотъ жужжи всѣмъ въ ухо.

Нянька.

Одна изъ тѣхъ, что хрю, да хрю,
(Я про хавроню говорю,)
Къ овечкамъ въ няньки поступила.
Усердіе, съ какимъ она служила,
Всѣмъ нянькамъ образецъ.
Когда ни взглянь, хавроня у овецъ.
То поитъ ихъ водой
Изъ лужъ, помой,
То кормъ имъ сыщетъ изъ навоза,
То ихъ въ корытѣ грязномъ моетъ,
То въ стужу, отъ мороза
Ихъ мусоромъ укроетъ.
Ну, словомъ, всѣ часы и дни
Питомцамъ няня отдавала,
А благодарности—ни ни:
Ее хозяйка расчитала.

Хвалю за рвенье я свинью,
Но и хозяйку не виню.

Саманникъ и Вѣтеръ.

—„Открой мнѣ дверь, саманникъ,
Я вольный вѣтеръ, вѣчный странникъ,
Тебѣ съ сосѣдняго гумна
Несу охапку самана.
—Мнѣ твоего, дружище, вклада
Не надо.
Прошу лишь одного,
Не трогай моего.

Не разъ, толкуя съ нами по часамъ,
Подобную услугу предлагаютъ намъ.

Воръ и щенокъ.

Ночной порою воръ
Залѣзъ въ богатый дворъ.
Съ ворованнымъ добромъ,
Онъ поспѣшилъ тайкомъ
Убраться со двора,
Но былъ замѣченъ псомъ.
Лай поднялъ песъ дворовый на вора.
Лай вызвалъ и сосѣднюю собаку.
Съ собаками пускаться въ драку
Воръ не хотѣлъ, да и не могъ.
И онъ пустился на утекъ.
Собаки тѣ за нимъ.
(Сей долгъ для нихъ неоспоримъ)
Къ нимъ на пути присталъ щенокъ,
И ну, что мочи, голосить.
Хотѣлъ онъ старшимъ угодить.
Погоня ли псу надоѣла,
Иль просто онъ усталъ,
Но онъ отсталъ,
Остановился раза три полаялъ
и вертя хвостомъ,
Пошелъ искать свой домъ.
За нимъ, съ такимъ же лаемъ вслѣдъ,
Поплелся и сосѣдъ
Ближайшаго двора.
Щенокъ же былъ неотвратимъ.
Бросался, лаялъ на вора,
Слѣдя безъ устали за нимъ.
Тутъ воръ къ нему такъ обратился:
«Щенокъ! предъ псомъ я провинился,
Тѣмъ, что хозяйское добро,
Все золото и серебро
Съ собой унесъ.
Правъ и сосѣдній песъ:
Живя въ сосѣдствѣ и питая дружбу,
Онъ сослужить хотѣлъ псу службу.
А ты, скажи, что̀ такъ присталъ?

Ты даже вѣдь не знаешь,
Зачѣмъ ты лаешь.
И тутъ булыжникъ онъ поднялъ
И, запустивъ въ щенка,
Разбилъ ему бока.

Цѣль басни глубока,
Хочу я пояснить любому:
Чтобы остались цѣлыми бока,
Не лай ты попустому.

Слѣпой.

Друзьями стали зрячій и слѣпой.
И все бы хорошо, да лишь порой
Слѣпой товарища винитъ,
Что тотъ не поровну дѣлилъ
Всѣ лакомства, и что ему
Всегда онъ меньше удѣлялъ.
Хоть зрячій ко всему,
Чтобъ разувѣрить прибѣгалъ,
Но толку никакого:
Не убѣдишь слѣпого!
И зрячій разъ гранатовъ накупилъ
И всю покупку предъ слѣпымъ поставилъ.
—„О, если мнѣ ты столько удѣлилъ,
То сколько жъ ты себѣ оставилъ?“,
Слѣпого былъ отвѣтъ.

Слѣпыми полонъ свѣтъ,
Мы недовольны тѣмъ, другимъ,
Хотя бы за гранаты,
И часто мы другихъ винимъ,
Въ чемъ сами виноваты.

Лиса.

—«Кто васъ занесъ сюда,
Вѣдь на носу бѣда,
Лиса тутъ недалеко»,
Сказала съ дерева сорока,
Гусей увидя стаю
Въ глуши лѣсной.
«Я вамъ добра желаю,
Вернулись бы домой.
—«Бѣды въ томъ нѣтъ большой,
Ей гуси въ разъ загоготали,
Мы подлинно слыхали,
Что заговѣлася лиса
И въ ротъ
Уже мясного не беретъ.
—«Пусть чудеса!
Но отъ кого сей слухъ идетъ?»
—«Отъ ней самой!
Читатель мой
Конечно удивится.
Какъ-такъ? Лисѣ повѣрила вся стая,
Лисица!
Одна вѣдь кличка-то какая!
Лиса—извѣстный гастрономъ,
И развѣ ужъ не ѣстъ зерна,
А мясо! Только покажи ты ей
Ужъ оскоромилась она!
Такъ въ басенькѣ моей
Не надобно догадокъ,
Лиса хоть и постила,
А все жъ гусей десятокъ
Себѣ на завтракъ удушила.

Смыслъ басни очень простъ:
Предупреждаю я любого,
Что коль лисица объявляетъ постъ,
Знать невтерпежъ ей хочется мясного.

Посланница.

Была
Ворона у орла
Секретаремъ.
Во всемъ
Она царю умѣла угождать.
И былъ доволенъ царь.
Не важная ворона тварь,
Но къ чести ей сказать,
Она была учена
И смышленна.
И вотъ ей разъ
Орелъ отдалъ приказъ
Доставить лучшую изъ всѣхъ пѣвицъ,
Средъ птицъ.
Отправилась посланница моя.
Какіе только лишь края
Она не посѣтила.
Съ пѣвицами знакомства заводила.
Чуть гдѣ нибудь
Заслышитъ голосокъ,
И стопъ! послушаетъ и дальше въ путь.
Ей пѣсни пѣлъ и голубокъ
И перепелъ и скворушка
И канареечка и чижъ и коростель.
Соловушка
Предъ утренней зарей,
Иль въ часъ ночной
Являлъ божественную трель,
Но всѣ отвергнувъ тоны,
И не найдя милѣй вороны
Орлу нашъ секретарь
Ворону и представилъ.

И такъ со всѣми: если царь
Сороку бы отправилъ,
То было бъ столько жъ проку:
Сорока привела бъ сороку.

Сорока.

Вѣсть по лѣсу прошла широко,
Что яйца у насѣдки
Похитила сорока.
Такіе случаи нерѣдки.
Сороки всѣ воровки,
И сходитъ воровство плутовкѣ.
Оно бы и на этотъ разъ
Осталось тайной,
Но разскажу вамъ безъ прикрасъ,
Какъ воръ сказался самъ случайно.
Чтобъ изловить воровку въ сѣти,
Ходили по лѣсу примѣты,
Что бѣлые у ней бока
И что она невеличка.
Примѣты не́ Богъ-вѣсть какія.
Сороки всѣ такія.
Но въ томъ лѣсу жила сорока,
Какъ всѣ—она была
Не безъ порока.
И только эта вѣсть прошла,
Заволновалась, заходила,
И по лѣсу сама трубила
Во всю сорочью глотку,
Одну лишь нотку:
Что хоть и сходятся примѣты съ ней,
Но воровство противно ей
И обвинять ее напрасно
Грѣшно, преступно и ужасно.
Такъ по лѣсу она шумѣла,
Шумѣла такъ вездѣ,
А пѣтухи, смекнувъ въ чемъ дѣло,
Нашли всѣ яйца у нея въ гнѣздѣ,
И ихъ насѣдкѣ той отдали,
Воровку же изрядно исклевали.

Возможно, что насѣдкѣ той
Находка не принадлежала,
И что тѣ яйца у другой

Сорока раньше своровала.
Но такъ—всегда, мнѣ кажется:
Кто чесночку поѣлъ, самъ скажется.

Волкъ.

То было встарь,
Какой-то государь,
Живущій безъ заботъ,
Созвавъ къ себѣ народъ,
Сказалъ:
«Я часть богатствъ бы далъ
Тому, кто цѣлый годъ
Овечку эту у себя продержитъ
И въ вѣсѣ мнѣ такою же вернетъ,
Но кто условія не сдержитъ,
Не избѣжитъ тотъ казни.
Конечно, изъ боязни
Никто не соглашался.
Но вотъ одинъ сыскался
И взялъ овцу домой.
Придумалъ способъ онъ такой:
Онъ пищу ей
Прекрасную давалъ,
Но по сосѣдству съ ней
Волка на привязи держалъ.
И кормъ пошелъ бы впрокъ,
Но волкъ былъ недалекъ.
И только лишь слегка
Овца отъ корма пополнѣетъ,
А взглянетъ на волка
И похудѣетъ.
Пришелъ и годъ къ концу,
Вернувъ владѣтелю овцу
Хитрецъ богатства получилъ.

Я въ жизни углѣдилъ,
Что такъ у всѣхъ,
И не съ овцой одной бываетъ,
Что былъ громадный бы успѣхъ,
Да волкъ мѣшаетъ.

Волкъ и пастухъ.

—«Оставь овецъ ты, Бога ради,
Молилъ пастухъ волка.
День каждый въ стадѣ,
Какъ облака,
Мои овечки таютъ.
Въ селѣ ужъ знаютъ,
Что ты всему виной,
Такъ облегчи и мой покой,
Да и подумай о себѣ.....
—«Я вѣрю, другъ, тебѣ
И рѣчи всей твоей,
Но тянешь ты, кончай скорѣй.
Тутъ болтовня, а за селомъ,
Смотри, заманчивымъ хвостомъ,
Скрывается ужъ стадо.
И поспѣшить бы надо.
Мнѣ рѣчь твоя не помлечу,
А стадо упущу»,
Отвѣтилъ волкъ.

Не съ нимъ однимъ такой же толкъ.
Иныхъ ты сколько не стыди,
У нихъ свое все впереди.

Гусь и индюкъ.

Повѣся голову тащился гусь.
—„Куда плетешься такъ печально, другъ?
Спросилъ его знакомый по селу индюкъ.
—„На свадьбу тороплюсь.“
—„На свадьбу? и съ такимъ лицомъ?“
—„Что свадьба, братъ, коль вызванъ я для щей.“

Я басенку писалъ не для гусей.
Пусть каждый убѣдится въ томъ,
Что счастье въ насъ самихъ, а не вокругъ,
Какъ выяснилъ индюкъ.

Оселъ.

Иль въ шутку, или сдуру,
Или придать желая большій вѣсъ,
Оселъ накинулъ волчью шкуру
И вышелъ прогуляться въ лѣсъ.
Въ лѣсу набрелъ онъ на волковъ.
Ословъ
Хоть и не разъ встрѣчали волки,
Но тутъ пошли межъ ними толки,
Чей это можетъ быть портретъ.
И даже созванъ былъ совѣтъ.
Тѣмъ временемъ, пока шелъ споръ,
Оселъ, плѣнившись видомъ горъ,
Протяжный поднялъ ревъ,
Чѣмъ разрѣшилъ догадки
И жертвой сталъ волковъ.

Ослы! что пѣсни ваши сладки,
Въ томъ спору нѣтъ,
И въ пѣсняхъ вашихъ много чувства,
Но вамъ мой искренній совѣтъ,
Не всюду проявлять свое искусство.

Ножницы.

Заспорили въ портняжной мастерской
Двѣ части ножницъ межъ собой,
О томъ кто для людей
Изъ нихъ нужнѣй,
Чья большая заслуга.
—«Да обѣ вы нужны
И другъ безъ друга
Вы обѣ не годны,
Сказалъ портной, державшій ихъ въ рукахъ.

Во многихъ такъ дѣлахъ
Нужны совмѣстныя намъ силы,
А въ одиночку слабы мы и хилы.

Стихотворенія.

Раскрылъ глаза чуть-чуть я въ полуснѣ.
Ужъ въ щеляхъ мрачныхъ и тяжелыхъ ставенъ
Тѣснился свѣтъ и крался по стѣнѣ.
Онъ былъ такъ тускл̀ъ еще, безправенъ,
Что даже послѣ ночи непроглядной
Былъ сумраченъ, тосклив̀ъ его привѣтъ.
И я уснулъ........ Волною жадной
Лучистой, теплой, мощной свѣтъ
Сверкалъ, игралъ, переливался.
Меня онъ нѣжной лаской пробудилъ
И въ немъ его безцвѣтныхъ, первыхъ силъ
Я не узналъ, какъ ни старался.

Стоятъ деревья такъ тоскливо
Въ осенней сѣрой мглѣ,
Съ какой-то думкой, тихо и лѣниво
Листочки падаютъ къ землѣ.

И вѣтромъ сорванный, несется
Листокъ одинъ, листокъ другой,
А въ сердце мнѣ тоска крадется,
Тоска о жизни прожитой.

Что жизнь? Иллюзія одна!
Все скоротечно, мимолетно.....
Какъ шаловливая волна
Другой смѣняется безсчетно,
Такъ въ жизни нашей фактъ за фактомъ
И мысли, чувства, звуки, краски
Посиѣшно равномѣрнымъ тактомъ
Проходятъ, какъ нѣмыя маски.
И лицъ реальныхъ нѣтъ подъ ними,
Они исчезли въ быстрой смѣнѣ
И мы причудами одиѣми
Живемъ на суетной аренѣ.

Цвѣты полевые, весенніе,
Что осенью желтой увяли,
Тоскливыя ночи осенніе,
Разбитые звуки рояли,
Дрова въ каминѣ догорѣвшія,
И очи отъ слезъ потускнѣвшія,
Туманы, облегшіе нивы,
И отблескъ послѣднихъ лучей,
Вы всѣ такъ печально красивы,
Красивы всѣ пѣсней своей.

Ночь. Улица пуста,
И лунный свѣтъ такъ тихъ.
Ютится темнота
Лишь въ уголкахъ иныхъ.
Прозраченъ небосклонъ,
И звѣзды весело горятъ,
Сквозь тихій, нѣжный сонъ
Листочки шелестятъ.
Пустынна улица нѣмая,
Деревья жмутся врядъ,
И, скользко путь перебѣгая,
Лишь тѣни чуткія бродятъ.

О общество, о люди свѣтскіе,
Мнѣ скученъ вѣчный вашъ нарядъ,
Всѣ ваши рѣчи чисто дѣтскія,
Весь вашъ забавный маскарадъ.

Къ чему цвѣта всѣ эти, краски
Пора бы, кажется, ихъ смыть.
Какъ не устать носить все маски,
Вѣдь все равно вамъ лицъ не скрыть!

Съ впалыми глазами,
Съ согнутой спиной,
Съ сумкой за плечами,
Изъ двора въ другой,
Поступью усталой,
Сильно обветшалый,
Какъ живая тѣнь,
Бродитъ старичекъ.
День ему не въ день,
Всѣмъ онъ одинокъ.
Нищаго стыдятся
Двери богачей,
Люди сторонятся,
Словно онъ ничей!
Голодъ его гложетъ,
Нищета сосетъ,
Дай ему кто можетъ,
Богъ воздастъ взачетъ.

Съ деревьевъ сорвана давно одежда,
Дрожитъ на вѣточкѣ послѣдній листъ.
Какъ первая весенняя надежда,
Какъ осень поздняя онъ золотистъ.

Онъ одинокъ и шелеститъ чуть слышно,
И этотъ шелестъ—отзвуки тѣхъ пѣсенъ,
Когда листва вся расцвѣтала пышно,
Когда шатеръ зеленый былъ ей тѣсенъ.

Рояль заигралъ и знакомые звуки,
Лаская мой слухъ, потянулись,
А въ сердцѣ, гдѣ столько и горя и муки,
Пропѣтыя пѣсни проснулись.

Рояль замолчалъ и растаяли звуки
И струны уже не дрожали,
А въ сердцѣ, гдѣ столько и горя и муки,
Пропѣтыя пѣсни звучали.

Въ богатой и свѣтской гостиной
Нарядная елка стоитъ.
И массой огней разноцвѣтныхъ
Роскошнымъ пожаромъ горитъ.
Одѣли ее, какъ невѣсту,
И, точно, въ гостиной она
Одна привлекаетъ вниманье
И гордой отрады полна.

А тамъ за широкой поляной,
Въ уснувшемъ лѣсу невеселомъ,
Безъ теплой участливой ласки,
Укутана снѣгомъ тяжелымъ,
Заброшена ель одиноко.....
А вьюга въ злой пѣснѣ своей
Поетъ ей о чудной гостиной,
О блескѣ волшебныхъ огней.

Юные годы и образъ любимый,
Образъ утраченный, милый, далекій,
Слѣдъ вы оставили неизгладимый,
Ласковый, теплый, глубокій.

Въ ноченьку темную тѣни прошедшаго
Часто встають предо мной,
Жаль мнѣ такъ счастья куда-то ушедшаго,
Жизни мнѣ жаль молодой.

Ловить минуты счастья,
Ловить, какъ я ловлю,
Любить, но безъ участья,
Любить, какъ я люблю,
Какъ тяжело, какъ больно!
Сказала бы: „довольно!"
Больному сердцу моему,
Сказала бъ, но напрасно,
Холодному уму
Сердечко не подвластно.

Идя по жизненной дорогѣ,
Крутой, невѣдомой, неясной,
Я озираю даль въ тревогѣ.
Она вѣнчается всевластной,
Нѣмой, загадочной могилой.
Съ неумолкающею силой
Вопросъ, какъ бой стѣнныхъ часовъ,
Въ груди тревожно раздается.
Откуда я, кто я таковъ,
Зачѣмъ намъ эта жизнь дается,
Что за міры такъ властно, смѣло,
Неисчислимыми вѣками,
Въ пространствѣ вѣчномъ, безъ предѣла
Разбросаны вокругъ надъ нами?
И гдѣ конецъ, когда и въ чемъ?
И вся ли пѣсня наша спѣта,
Когда мы путь земной пройдемъ,
Или прелюдія лишь это,
Прологъ прекрасной вѣчной сказки
Тамъ за небесной полосой,
Гдѣ ужъ иные звуки, краски
Владѣютъ нашею душой.

Связка писемъ изъ цвѣтной бумаги,
Писанныхъ твоей рукой,
Думы темныя, какъ ночь бродяги,
Будитъ памятью больной.

Въ письмахъ ароматъ еще хранится
Розлитыхъ тобой духовъ,
Въ немъ такъ живо, образно таится
Слѣдъ прошедшихъ грезъ и сновъ.

Гдѣ, скажи, въ какомъ краю далекомъ
Проживаешь ты теперь,
Дай лишь знать ты о себѣ намекомъ
И я твой опять, повѣрь!

Когда въ слезахъ струится горе,
На очи мнѣ смотрѣть еще легко,
Когда жъ оно — въ потухшемъ взорѣ,
Безъ слезъ, и гдѣ-то глубоко
На ранахъ сердца залегло,
Я не смотрю...... мнѣ тяжело!

Море шальное—измѣной дымящее
Сердце коварное, сердце бездушное.
Море зеркальное—сердце любящее
Чистое, въ страсти послушное.
Море безмѣрное, море бездонное—
Сердце потайное, сердце глубокое,
Море туманное—сердце лишенное
Ласкъ и любви, одинокое.

Въ лазури свѣтло-голубой,
Далекой, ласковой, привѣтной,
Орелъ, наскучившись землей,
Гуляетъ точкой незамѣтной.
Оставилъ міръ онъ скучный, тѣсный,
Ушелъ отъ суетныхъ тревогъ,
И въ выси, шири поднебесной
Онъ тихъ и гордо одинокъ.

Дождемъ осеннимъ деревцо омыто,
Какъ слезы капли на листахъ трясутся,
И будто горе въ нихъ большое скрыто:
Коснись чуть-чуть ствола,—онѣ польются.

Злосчастною судьбой душа разбита,
И слезы въ ней тѣснятся, жмутся,
Въ нихъ горе безутѣшно скрыто:
Коснись чуть-чуть души,—онѣ польются.

Давно за полночь. Поздній часъ.
На небѣ звѣзды догараютъ.
На столикѣ часы, куда-то торопясь,
Къ разсвѣту время подвигаютъ.
Передразсвѣтный вѣтерокъ
Проснулся, листья взволновалъ,
Съ нимъ суетливый ручеекъ
Какъ будто веселѣе побѣжалъ.
И слышны пѣсни пѣтуховъ,
Раскатистыя въ тишинѣ,
Зашевелились средь кустовъ
Кой-гдѣ и птицы въ полуснѣ.
Вся ночь полна ужъ ожиданья
Утра привѣтливыхъ лучей,
И эта ночь въ своемъ желаньѣ
Такъ родственна душѣ моей!

За деревней, у дороги
Кладбище лежитъ,
Безъ мученій, безъ тревоги
Тамъ былое спитъ.
Грезы жизни оборвались,
  Боли унялись,
Мысли гдѣ-то затерялись,
  Чувства улеглись.
И заря ли золотая
  Утро веселитъ,
Все лишь ночь одна глухая
Средь могилъ царитъ.

Васъ нѣтъ и вновь я одинокъ.
Былого счастья нѣтъ и тѣни,
Все тотъ же сѣрый потолокъ
И тѣ же мрачныя все стѣны.
И вновь съ понурой головой
Усѣлся я въ привычной позѣ
Въ тотъ уголокъ любимый свой,
Гдѣ предаюсь завѣтной грезѣ.
И такъ живу я лишь мечтами.
Какъ много въ нихъ и какъ въ нихъ мало.
Былого жаль: минута съ вами
Прекраснѣе всѣхъ грезъ бывала.

Мечты золотыя,
Заманчиво, мило
Вы мнѣ улыбались,
Но жизнь васъ разбила.

Росой серебристой
На листьяхъ родились,
И съ первой зарею
Вы вмигъ испарились.

Одна за другою,
Какъ бисеръ снизались
На нитяхъ непрочныхъ,
И нити порвались.

Вы были опорой
Средь жизни ненастья,
И былъ я такъ счастливъ
Возможностью счастья.

Мечты золотыя,
Волшебныя грезы,
Зачѣмъ васъ смѣнили
Тоскливыя слезы.

Есть въ жизни слово:
Въ немъ теплота,
Въ немъ красота
Всего живого,
Въ своемъ просторѣ,
И широко,
И глубоко
Оно, какъ море.
Въ немъ благодать
Мечты живой,
Любви святой
Оно есть—мать!

О берегъ глухо бьются пѣною сѣдой
Безстрастные, тяжелые удары моря.
Звучатъ, какъ вздохъ затяжный и больной отъ горя,
И безконечнымъ рядомъ, въ этотъ часъ ночной,
Передо мною тянутся издалека
Забытые людьми, уплывшіе вѣка,
И я тону душой въ огромномъ этомъ цѣломъ
Безъ мысли, безъ желаній, съ сердцемъ опустѣлымъ.

Замѣтно умираетъ день.
Кругомъ становится все тише.
За тѣнью набѣгаетъ тѣнь.
Какъ черныя, большія мыши
Онѣ сбѣгаются въ углы.
Среди сгущающейся мглы
Въ душѣ становится темнѣй:
Все будто въ траурной попонѣ,
И лишь на чистомъ небосклонѣ
Блеснуло множество огней.

Однозвучны, одноцвѣтны,
Въ общей массѣ незамѣтны
Въ жизни скучной наши дни.
Выплываютъ, какъ сороки,
Чернохвосты, бѣлобоки,
Всѣ въ одно перо они.

Свѣчи неслышно за ночь догорѣли,
Дымкой лишь синей мерцаютъ огни.
Грезы, какъ листья сорвались, слетѣли,
Голые сучья остались одни.
Тянутся мысли тяжелыя, вялыя,
Словно обозъ по дорогѣ ненастной,
Очи печальныя, очи усталыя
Слѣпно застыли во тьмѣ безучастной.

Разцвѣло на розовыхъ кустахъ
Много словъ красивыхъ у людей,
Блещутъ розами они въ устахъ,
Пѣсни имъ слагаетъ соловей.
Разсмотри ты ихъ поближе,
Нѣтъ ужъ живой красоты:
Люди наглы и безстыжи,
Все бумажные цвѣты.

Малютка на рукахъ у няни
Въ большомъ восторгѣ, ликованьѣ,
Съ усильемъ растрепавъ пеленки,
Трепещетъ весь, дрожитъ и бьется
И, высунувъ свои рученки,
Съ улыбкою куда-то рвется
Изъ рукъ наставницы своей.
И что его такъ веселитъ?
Да ручка мѣдная дверей
Подъ солнышкомъ блеститъ!

Планета неслышно зажглась
И свѣтится тихимъ огнемъ,
Но смотришь, она сорвалась
И скрылась въ пространствѣ нѣмомъ.
Исчезла она безъ возврата,
Въ верху жъ миріады огней,
И имъ незамѣтна утрата
Безвѣстной подруги своей.
Такъ люди толпою приходятъ,
И такъ же ихъ міръ необъятенъ,
Такъ люди безслѣдно уходятъ
И тайный ихъ путь безвозвратенъ.

Она меня тепло любила,
Какъ мотылекъ цвѣты полей,
Но мглой туманною уплыло
Все счастье въ утрѣ сѣрыхъ дней.

Встрѣчаясь съ ней, какъ я далекъ
И какъ всѣмъ сердцемъ близокъ къ ней,
Цѣпь порвана, я одинокъ,
Не надо мнѣ другихъ цѣпей.

Она меня тепло любила,
Какъ мотылекъ цвѣты полей,
Но мглой туманною уплыло
Все счастье въ утрѣ сѣрыхъ дней.

Гуляя въ паркѣ съ „ней,"
Въ любви „онъ" клялся „ей",
И имя дорогой
Изрѣзалъ въ вензеляхъ
Онъ любящей рукой
Ножомъ на всѣхъ скамьяхъ.
Недѣли нѣтъ одной,
Какъ ей въ любви онъ клялся,
А слѣдъ любви „святой"
На скамьяхъ лишь остался.

Былъ тихій весенній денекъ.
Улегся, уснулъ вѣтерокъ
Въ незримой своей колыбели.
Деревья листвой не шумѣли,
И не было слышно кустовъ.
Кой-гдѣ мотылекъ лишь порхалъ
И въ чашечкахъ пестрыхъ цвѣтовъ
На вольномъ пути отдыхалъ.
Разсѣясь по рощѣ густой,
И птички зачѣмъ-то не пѣли,
И въ этой тиши хоровой
Однѣ лишь осины шумѣли.

———

И таетъ ночь и гаснетъ день,
А старый домъ все пустъ и тихъ,
Нѣтъ старичковъ его въ живыхъ.
Повыцвѣлъ садъ, погнутъ плетень,
Забиты ставни и въ потьмахъ
Глядятъ со стѣнъ сырыхъ портреты.
Стоятъ на тѣхъ же все мѣстахъ
Ужъ заплеснѣлые предметы.
Заглохла жизнь вся въ этомъ домѣ,
И только мышь скребетъ въ подпольѣ.
Цвѣтокъ, что красовался въ полѣ,
Засохъ въ заброшенномъ альбомѣ.

Запахло въ воздухѣ весной,
Повѣяло и жизнью новой.
Но снѣгъ мѣстами пеленой
Лежитъ, какъ слѣдъ зимы суровой.

Такъ и для сердца моего,
Хотя жизнь новая настала,
Но въ тайныхъ уголкахъ его
Слѣдовъ прошедшихъ дней немало.

Зима, какъ лебедь бѣлая,
Красуется собой.
Въ своемъ размахѣ смѣлая,
Искусною рукой
Прехитрые узоры
Она кругомъ сплела,
На рощи, степи, горы
Снѣгами прилегла,
Какъ сѣтью затянула
Живыя воды льдомъ.
И до весны уснула
Холоднымъ мертвымъ сномъ.

Расстались съ вами мы недавно,
По какъ ужъ дни тѣ далеки,
Когда вы мило, своенравно,
Однимъ пожатіемъ руки
Могли разсѣять всю печаль
Души надорванной, усталой.
Ахъ, этихъ дней счастливыхъ даль,
Какъ видъ недавно лишь увялой,
Весной отцвѣтшей дивной розы
Рождаетъ и тоску и грезы.

Ужъ ночь. Все спитъ. Вездѣ покой.
Не спитъ лишь мозгъ усталый мой.
Все тѣни прошлаго, какъ рядъ
Блестящихъ точекъ въ немъ скользятъ,
Манятъ и дразятъ и смѣются.
Уйдите прочь! Вамъ не вернуться,
Вы появились и пропали,
Мелькнули яркою звѣздой,
Къ чему же вы изъ вашей дали
Томите бѣдный мой покой.

Въ тюрьму, гдѣ узникъ заключенъ,
Едва проходитъ блѣдный лучъ.
А у рѣшетчатыхъ оконъ
Такъ веселъ, звонокъ и пѣвучъ
Напѣвъ пѣвуньи перелетной
О жизни вольной, беззаботной.

Гдѣ пѣсни, что были пропѣты
Безпечно-пвеселой душой,
Вѣдь был же пѣсни тѣ спѣты,
Куда жъ онѣ скрылись толпой?
Какъ сильно онѣ раздавались,
Какъ мило звучали онѣ,
Куда же ихъ звуки дѣвались,
Въ какой ихъ искать сторонѣ?
Найти бъ эти звуки здоровые,
Заставить ихъ вновь зазвучать,
И пѣснями старыми новыя
Улыбкой одной осмѣять.

Осень въ рощи заглянула,
Властной, блѣдною рукой
Воздухъ мглою затянула,
Все окрасила собой.
И пошла гулять по нивамъ,
По лѣсочкамъ и горамъ,
Съ вѣтромъ жалобнымъ, тоскливымъ,
Съ пѣснями прошедшимъ днямъ.

Возлѣ рѣки, освѣщенной луной,
Грустно сидѣлъ я ночною порой,
Было такъ тихо, такъ чудно кругомъ
Въ этомъ волшебномъ покоѣ ночномъ.

Изрѣдка вѣтеръ, волною широкой,
Лай доносилъ изъ деревни далекой,
И, пролетая надъ сонной рѣкой,
Онъ нарушалъ ея чуткій покой.

А за рѣкою, гдѣ тѣни чернѣли,
Скорбно неслись соловьиныя трели,
Пѣлъ о разбитой любви соловей,
Пѣлъ онъ о долѣ печальной моей.

Такъ я отъ шумнаго свѣта далеко
Скорби своей предавался глубокой,
Воды сребрились отъ лунныхъ лучей,
А за рѣкою все пѣлъ соловей!

Вѣтеръ бушуетъ спесиво,
Тополь верхушку склоняетъ,
Въ стороны льстивая ива
Кланяется, присѣдаетъ.
Шествуетъ вѣтеръ и, сильный,
Все увлекаетъ съ собой,
Словно этапъ пересыльный.
Слѣдуютъ тучки толпой
Мечется вѣтеръ свободный,
Словно звѣрь въ клѣткѣ глухой,
И безъ звѣзды путеводной
Тщетно свой ищетъ покой.

Стоитъ угрюмо дубъ столѣтній.
Въ борьбѣ съ судьбою безотвѣтной
Онъ вынесъ много бурь и бѣдъ.
Плодовъ на немъ давно ужъ нѣтъ,
Вѣтры всѣ вѣтви обнажили,
Обугленъ мощный стволъ мѣстами,
Размякли корни и погнили,
А рядомъ, занятый мечтами
О томъ, чѣмъ время наградитъ,
Дубочекъ полный силъ стоитъ.

Опечатки.

Стр.	Строк.	Напечат.:	Слѣдуетъ:
4.	14.	весъ	весь
13.	6.	горка	горька
13.	7.	трутенъ	трутень
13.	1 снизу.	хотъ	хоть
14.	3 и 7	хавроня	хавронья
14.	17.	расчитала	разсчитала
16.	12 снизу.	тольку	толку
17.	9 снизу.	басенькѣ	басенкѣ
18.	11.	смышленна	смышлена
22.	3.	иридать	придать
26.	2.	милолетно	мимолетно
26.	3.	осенніе	осеннія
27.	10.	врядъ	въ рядъ
29.	6.	пѣсень	пѣсенъ
29.	5.	роялъ	рояль
30.	1, 6 и 15	гостинной	гостиной
36.	9.	слышни	слышны
45.	1.	растались	разстались
45.	15.	дразятъ	дразнятъ
46.	2.	безпечно-ивеселой	безпечно-веселой
46.	3.	был	были.

